ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ВВП КАК ИНДИКАТОРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 330.55 *ГСНТИ 06.03.07*
ББК 65.012.3 *Код ВАК 08.00.05*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-5-178-188

В. М. Молоканов
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Волгоград, Россия
AuthorID: 583897

АННОТАЦИЯ:
В статье рассматривается проблема адекватности использования показателя ВВП в оценке социально-экономического развития государств. Критические замечания по заявленной проблеме сгруппированы по четырем направлениям, охватывающим весь спектр социально-политической мысли. Сторонники рыночной саморегулирующейся экономики заостряют внимание на непропорциональность представления в показателе ВВП фаз производства и потребления. Консерваторы акцентируют внимание на неоднозначной связи динамики ВВП и динамики показателей удовлетворенности жизнью, возникающей при трансформации общественных институтов. Лево-либеральные исследователи заостряют внимание, прежде всего, на неспособность стандартных макроэкономических показателей учесть пагубность воздействия экономического развития на экологию. Отдельно выделена позиция сторонников «нового патернализма», сложившейся в рамках поведенческой экономики. Показатель ВВП в принципе не может характеризовать социально-экономическое развитие общества, так как суммирует результаты неоптимальных, иррациональных решений экономических агентов. В статье обоснована необходимость использования альтернативных показателей для оценки развития экономики России. Оценка по индексу счастья позволит решить такие острые проблемы российской экономики как неравномерность экономического развития регионов страны, высокий уровень расслоения в российском социуме, наращивание темпов инвестиций в основные средства, решение экологических проблем, возникающих в связи с ускоренным экономическим развитием. Кроме того, отмечены уязвимые места применения оценки социально-экономического развития по индексу счастья: возможность манипулирования методикой оценки; возможность неконструктивного использования индекса счастья для обоснования консервации институтов общества. В конце статьи отражены специфика внедрения индекса счастья в оценке эффективности государственного управления для экономики России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
валовый внутренний продукт (ВВП), показатель валового национального выпуска, индекс подлинного прогресса, индекс счастья, парадокс Истэрлина, поведенческая экономика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:
Виктор Михайлович Молоканов, кандидат экономических наук, доцент, Волгоградский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
400005, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, vikmol@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Молоканов В. М. Проблемы использования показателя ВВП как индикатора социально-экономического развития общества // Вопросы управления. 2019. №5 (60). С. 178—188.

© В. М. Молоканов, 2019

Введение.

Показатель ВВП в абсолютном и в подушевом значении парадоксальным образом стремится к росту даже тогда, когда благосостояние, самочувствие человека ухудшается. Рост преступности, природные и технологические катастрофы, социальные язвы общества (разводы, бездомные, нар-

комания, алкоголизм, брошенные дети) приводят к росту расходов общества на борьбу с ними. Эти расходы методологически включаются в расчет ВВП страны. Тогда как негативные последствия, связанные с этими социальными и природными явлениями, носят оценочный, вероятный характер и потому игнорируются при расчете основных макроэкономических показателей.

Кроме того, игнорируется или недооценивается домашний и волонтерский труд, который играет все более значимую роль в современном обществе. В домашней экономике производятся блага, предназначенные для собственного потребления внутри одной семьи. Соответственно, данные блага не имеют денежной оценки и не могут быть напрямую количественно оценены в ВВП. При анализе домашнего труда тесно связана проблема оценки значимости, а значит и стоимости досуга. В условиях наращивания темпов научно-технического прогресса, автоматизации и роботизации производства все больше рабочей силы, прежде всего, низкой квалификации будет выдавлено за рамки экономики, описываемой показателем ВВП. Следует признать актуальность проблемы включения волонтёрского труда в оценку социально-экономического развития страны. В западном обществе есть примеры практики организации целых секторов экономики на волонтёрских принципах – социальное обслуживание, спасательные службы, пожарная охрана в сельской местности и т.п.

Таким образом, существующая система национальных счетов, как общепризнаваемый стандарт оценки динамики экономического развития, подвергается все более острой критике, причем по всему спектру политического мировоззрения. Если сторонники свободного рынка акцентируют внимание на гипертрофированной роли потребительских расходов при расчете ВВП, то представители консервативных кругов заостряют внимание на пагубность институционально-культурной деформации общества, вызываемой экономическим ростом, а сторонники левых политических течений во главу угла ставят рост экологических проблем, сопряжённых с быстрым экономическим, промышленным развитием стран. Отдельно следует упомянуть бурное развитие теории поведенческой экономики и связанный с этим кардинальный пересмотр методологии практики государственного регулирования. Доктрина «либертарианского патернализма» Р. Талера обосновывает бесперспективность государственной политики, сориентированной на рост ВВП, так как данный показатель зачастую описывает ложные предпочтения людей. Для того чтобы понять насущность реформирования оценки социально-экономического развития государств, необходимо рассмотреть заявленные направления критического анализа.

Современная критика ВВП как показателя, раскрывающего благополучие той или иной страны, оформилась в новое направление экономической теории – экономика счастья. Концептуально данное течение экономической мысли переориентирует фокус социально-экономических исследований с материального благополучия всего общества, анализируемого в экономике благосостояния (Пигу А., Самуэльсон П., Хикс Дж.), на психологические ощущения индивида в мире хозяйственных отношений. Отсюда широкое применение категории субъективного благополучия как противовес объективному благополучию в теории экономики благосостояния. Акцент на методологический индивидуализм в теории потребления требует разработки шкалы психологического комфорта индивида, где удовлетворенность жизнью выступает некой функцией, зависимой от множества переменных (состав этих переменных и составляет предмет исследования в экономике счастья), а ее максимум – высшее наслаждение или просто счастье.

Направления критики показателя ВВП в оценке уровня социально-экономического развития общества.

1. Консервативный подход.

Со стороны консерваторов критика оценки развития через расчет ВВП сводится к тезису, что трансформация институтов общества в ходе экономического развития тоже имеет цену. Изначально научный спор о влиянии уровня доходов на степень удовлетворенности жизнью связан с, так называемым, парадоксом Истэрлина. В 1974 г. Ричард Истэрлин известнейший американский демограф и экономист на основании своих исследований пришел к выводу, что рост абсолютного дохода не приводит в долгосрочном периоде к росту удовлетво-

рённости жизнью. По своей сути это макроэкономическая иллюстрация известной закономерности из курса микроэкономики, когда эффект дохода начинает превалировать над эффектом замещения на рынке труда и дополнительный рост заработной платы не стимулирует больше увеличение предложения индивидуального труда. Моральные стимулы начинают доминировать над материальными.

Данный парадокс имеет ряд исходных предпосылок. Во-первых, данная закономерность начинает действовать не сразу, а только после определённого уровня насыщения, когда все основные потребности человека полностью удовлетворены. До уровня насыщения рост доходов увеличивает степень удовлетворенности. Из этого следует, что парадокс справедлив исключительно для экономически развитых стран. Во-вторых, закономерность работает в длительных периодах. Отсюда вывод, что циклическое развитие экономики, чередование бумов и кризисов нивелирует воздействие роста доходов на удовлетворенность жизнью. В-третьих, на уровень удовлетворенности жизнью влияет относительный рост дохода, т.е. рост дохода одного домохозяйства относительно других. Следовательно, падение дохода относительно более успешных членов общества аутсайдерами воспринимается удручающе. И очевидно статистически аутсайдеры доминируют в любом обществе. Данная предпосылка оказалась фундаментальной для современной теории экономики счастья. Противодействие расслоению общества сегодня воспринимается как аксиома в достижении всеобщего благополучия.

Более глубокого изучения требует заявленная первая предпосылка. Еще в 1972 г. король одной из самых слаборазвитых стран мира – Бутана – провозгласил отказ от измерения благосостояния своего народа через динамику показателя ВВП. Был разработан показатель Валового национального счастья, призванный в общем обеспечить экономической развитие без кардинального слома существующих общественных институтов. Расчет данного показателя осуществляется по 72 критериям, самые экзотические из которых – частота молитв и медитаций, уровень эгоизма, зависти, ревности. Показатели пересматриваются каждые 2 года путем всеобщего опроса [1, с.141]. Отсутствие влияния дохода на уровень счастья в развивающихся стран хорошо иллюстрируют исследования Ангуса Дитона. Большие домашние хозяйства, характерные для традиционных обществ, генерируют особый тип специфических общественных благ [2, с.77], создаваемых и потребляемых внутри семьи: приготовление пищи, починка одежды, ремонт бытовой техники, автомобилей, перевозка пассажиров и грузов и т.п. Все эти блага не получают денежной оценки и потому не учитываются в стандартных макроэкономических показателях. Но безусловно увеличивают благосостояние людей в традиционных обществах. Семьи в таких странах не так бедны, как кажутся.

Показательны исследования Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и С. Гуриева посвященные степени удовлетворенности жизнью в странах переходной экономики. Удовлетворённость жизнью в странах переходной экономики (в том числе и Россия) всегда ниже уровня, соответствующему среднему значению удовлетворенности, приходящемуся на процент роста ВВП [3, с.101]. Касательно России С. Гуриев отмечает, что начавшийся экономический рост в конце 90-х годов не повлиял на уровень удовлетворенности жизнью российских граждан. Он выделил три причины этому.

1) Макроэкономическая нестабильность и в целом большая динамичность жизни.

В принципе еще Истэрлин отмечал, что нестабильность экономического развития, характерное для рыночной экономики, является важнейшей предпосылкой отсутствия связи между ростом доходов и уровнем удовлетворенности жизнью. Для экономики России это также подтверждается тем, что эффект адаптации, приспособления к изменению реальных доходов населения нивелирует воздействие падения или роста доходов на уровень удовлетворенности жизнью россиян [4, с.59].

2) Падение качества/рост цен на некогда бесплатные общественные блага – образование и здравоохранение.

3) Возрастную специфику постреформенной России: пожилые люди, состоявшиеся в СССР, не могут адаптироваться в рыночной экономике России. Если рассматривать удовлетворенность жизнью через

призму возрастной структуры общества, то в целом в мире ее характеризует U- образная кривая: молодые и старики более довольны жизнью чем среднее поколение. В России возрастная структура общества относительно удовлетворенности жизнью характеризуется L- образной кривой: молодые в целом удовлетворены открывшимися возможностями рыночных преобразований, а более старшие поколения – в целом нет, не смотря на экономический рост. Следует отметить, что вторая и третья причины тесно переплетены. Очевидным становится вывод, что зависимость между уровнем дохода и удовлетворенностью жизнью отсутствует и в странах, не достигших уровня насыщения по Истэрлину.

Современная действительность полна неудачных примеров ускоренной модернизации (в исламском мире, Латинской Америке, Африке, но и в России, которая застряла, по мнению А. Аузана, между традиционным и модерновым обществами), хотя хватает примеров успешной модернизации (прежде всего, Юго-Восточная Азия). Главным достижением современной экономической науки состоит в констатации факта, что ценности влияют на поведение людей, в том числе, и в экономической жизни. Если классифицировать ценности по Рональду Инглхарту на традиционные и секулярно-рациональные, которые раскрывают стратегии соответственно выживания и самовыражения. Общества опираются на традиционные ценности (религиозное мировоззрение, ориентация на семью, почтение к власти, абсолютные, не требующие корректировки стандарты, социальный конформизм, выражающейся в полной удовлетворенности своего места в обществе, групповая закрытость) в ситуациях экономического выживания (отсутствие экономического роста), тогда как секулярно-рациональные ценности (рационализм в мышлении, стремление к успеху и лидерству, секуляризация общества, групповая открытость) господствуют в обществах, достигших экономического благополучия (где значимость экономического роста тоже нивелируется, но уже в силу привыкания к нему, а не в следствии его отсутствия). Силы традиционного общества направлены на самовоспроизведение, копирование существующих институтов, тогда как современное общество открыто для институциональных изменений.

Эрнандо де Сото раскрыл почему стратегия выживания остается господствующей даже в стране предпринявший значимый рывок в экономическом развитии. «Колпаки Броделя» [5, с.54] описывают ситуацию, когда в стране формируется несколько изолированных центров западной модернизации (в России это ярко выражено в г. Москве), тогда как вся остальная территория живет по традиционным правилам. Под «колпаком Борделя» концентрируется экономический рост, который стимулирует пересмотр ценностей людей, тогда как за его пределами экономический рост отсутствует, а потому традиционные ценности выживания только концентрируются. Опять же неравенство становится тормозом экономического развития.

В связи с этим можно сделать вывод, что только существенный скачкообразный рост доходов позволяет трансформировать общество из традиционного в современное. Экономический рост «Юго-Восточных тигров» тому яркий пример. Причем этот скачкообразный рост возможен только в центрах модернизации, а не размазывается равномерно по всей территории страны, стремящейся к развитию. При небольших темпах экономического роста подъем благосостояния отмечает незначительная часть населения, сконцентрированная в центрах модернизации. Подавляющая часть остального населения экономически живет либо также, либо даже хуже, причем болезненно воспринимает культурное давление центров модернизации на свое мировоззрение, определяемое стратегией выживания. Отличительной чертой ускоренной модернизации является также ярко выраженный авторитарный способ модернизации и вестернизации. Это всегда волевой акт руководителя государства, заявившего необходимость такой трансформации и жестко реализующий свою программу реформ по слому старых общественных институтов.

2. Лево-либеральный подход.

Критический анализ левой экономической мысли сконцентрирован вокруг требования гуманизации экономического роста. Эти требования раскрываются через призму признания значимости окружающей среды, социального благополучия в обществе и особенностей человеческого

поведения в обосновании экономического развития человечества. Требование экологически устойчивого развития стало краеугольным камнем современной теории экономического роста. Концепция «нерентабельного роста» Германа Дейли описывает ситуацию экономического роста, которая не приводит к росту благосостояния общества. Такой рост возникает за счет ресурсов, стоимость которых выше, чем стоимость прироста производства экономических благ. В экономической теории подобная ситуация описывается с помощью моделей с отрицательными экстерналиями, когда часть издержек производители могут перекладывать на общество, а не включать в цену своего продукта. Таким образом резко возрастают так называемые социальные издержки, выражаемые в падении благополучия людей из-за роста экологических загрязнений. К таким издержкам можно отнести расходы на восстановление исходного уровня среды обитания человека (утилизация отходов, очистка воды, воздуха), а также расходы, возникающие как последствие загрязнения окружающей среды (затраты на медицинское обслуживание, направленное на восстановление прежнего уровня трудоспособности и затраты, на восстановление прежней стоимости собственности).

В 2018 г Уильям Нордхаус получил Нобелевскую премия за исследования влияния климата на экономический рост. Нордхаус является автором пионерных работ по коррекции ВВП с учетом не включаемых в него экологических и социальных факторов. В современной экономической науке в качестве альтернативного показателя, более комплексно оценивающего экономическое развитие, используют индикатор подлинного прогресса (genuine progress indicator, GPI). ИПП корректирует показатель ВВП в следующих моментах:

1. Если в ВВП расходы, связанные с ликвидации последствий экологических катастроф, суммируются, то в ИПП эти расходы вычитаются.

2. В ВВП игнорируется фактор истощения невозобновляемых природных ресурсов, а в ИПП данный фактор позиционируется как издержки.

3. В ИПП включаются социальные издержки, которые игнорируются в ВВП (более того в ВВП борьба с социальными язвами общества ведет к росту ВВП): цена преступности, цена разводов, цена безработицы, цена волонтерского труда, цена ДТП и т.п.

Все выше перечисленные аргументы против использования показателя ВВП как единственного индикатора социально-экономического развития стран следует признать весомыми. Стоит отметить нарастающий вал научных публикаций по экономике счастья. Это нашло свое отражение и на международном политическом уровне. В 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о рекомендации использования индикаторов счастья в оценке эффективности национальной политики государств. В 2012 году резолюцией ООН был установлен Международный день счастья (20 марта), а также структурами ООН стал публиковаться ежегодный Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report). В качестве интегрального показателя счастья, измеряемого по десятибалльной шкале, в этом докладе используется шестифакторная модель: подушевой ВВП, уровень социальной поддержки, продолжительность жизни, свобода граждан самостоятельно принимать жизненно важные решения, щедрость и отношение к коррупции.

Необходимо отметить и еще один популярный индекс счастья, который рассчитывает английский Фонд новой экономики – международный индекс счастья (Happy Planet Index), который очень ярко, гротескно иллюстрирует главную проблему подсчетов уровня счастья в разных странах. Методология расчета данного показателя строится по четырем факторам:

1) Благополучие, рассчитываемое социологическим способом по данным института Гэллопа (Gallup).

2) Ожидаемая продолжительность жизни. Оценивается по данным программы развития ООН (UNDP).

3) Неравенство результатов. Выполняет роль корректора – на коэффициент неравенства в благополучии и продолжительности жизни внутри одной страны.

4) Экологический след. Выражает среднее количество глобальных гектаров земли на одного человека, необходимых для устойчивого поддержания уровня потребления.

Первые три фактора перемножаются, а затем делятся на последний. В результате получается показатель, показывающий сколько благополучия приходится на один

гектар земли, пригодной для устойчивого поддержания потребления. Экологический фактор в данной методике доминирует.

Результаты применения такой методики оказались практически диаметрально противоположные методике ООН. Экономически развитые страны в методике ООН [6] оказываются в начале списка по критерию счастья, тогда как в методике международного индекса счастья [7] – в конце. Соответственно, следует констатировать, что методологический плюрализм при расчете уровня счастья является, наверное, главным недостатком по сравнению со стандартизированной, признаваемой во всех странах мира методике расчета ВВП, которая к тому же имеет отработанный механизм сбора данных.

В последние годы бурно развивается новая исследовательская парадигма внутри экономической теории, ядром которой являются психологические и экспериментальные методы исследования поведения людей. Выводы теоретиков этого подхода представляются важными в переосмыслении самой необходимости расчета показателя ВВП. Когда люди учитывают влияние какого-либо отдельного фактора на их благосостояние они склонны преувеличивать его значимость. Канеман Д. таким образом определил иллюзию (эффект) фокусировки. Уверенность обывателя в том, что рост дохода существенным образом влияет на удовлетворенность жизнью не подтверждается в ходе экспериментов, описанными в работах этого ученого.

Поведенческий эксперимент, состоящий из двух этапов, наглядно демонстрирует суть иллюзии фокусировки. На первом этапе студентам задавали два вопроса в следующей последовательности:

1. Насколько счастливо в целом ты живешь?

2. Сколько свиданий у тебя было в прошлом году?

В результате обработки анкет студентов, принимающих участие в эксперименте, был сделан вывод об отсутствии связи между ответами на данные вопросы (коэффициент корреляции составил – 0,012) [8, с.1908].

На втором этапе последовательность вопросов была изменена на противоположную. Результат оказался ошеломляющим. Коэффициент корреляции возрос до 0,66. Фокусирование внимания на количестве свиданий стал очень значимым фактором, определяющим самоощущения студентов относительно своего счастья. Таким образом, люди преувеличивают вклад уровня доходя в обеспечении их счастья, когда исследователи акцентируют внимание на факторе дохода и игнорируют все остальное множество переменных, которые составляют такое многомерное понятие как счастье.

Канеман предложил метод реконструкции дня (DRM) для оценки уровня удовлетворенности в течении рабочего дня человека. В соответствии с этим методом участники эксперимента описывают затраты времени на разные виды деятельности в течении рабочего дня. Затем оценивают свой уровень удовлетворенности, который они испытывали от каждого вида деятельности. По результатам применения этого метода был сделан следующий вывод. Люди, зарабатывающие больше, больше тратят времени на производительную деятельность, генерирующую доход, и, соответственно, у них остается меньше времени на непроизводительную деятельность (досуг, общение с семьей, путешествия). В результате люди, зарабатывающие выше определённого предела (свыше 90 000 долл. в год) счастливы той же мере что и люди со средним доходом (50000-89999 долл. В год). Причем эта логика работает и в нише населения с низкими доходами (менее 20000 долл. в год). Неимущие слои населения имеют больше времени заниматься тем что реально приносит радость и их уровень счастья примерно такой же, как и у среднего класса и богатых слоев населения. Математическая обработка данных по методу DRM позволил сделать вывод об отсутствии связи между личным доходом и ощущением счастья в течение рабочего дня (Корреляция между личным доходом и средним показателем счастья в течение дня была ничтожной 0,01) [8, с.1908].

Разорвав связь между уровнем счастья и зарабатываемым доходом, Канеман и его последователи путем проведения множества экспериментов доказывают иррациональность потребительского выбора. Дефекты воли и когнитивные ошибки не позволяют в принципе человеку делать оптимальный выбор. Таким образом, показатель ВВП мало того, что не характеризует само-

чувствие людей, но и всегда описывает ошибочные решения, которые зачастую принимают экономические агенты. Тем самым подсчет ВВП лишен всякого смыла, так как ничего не говорит об оптимальности решения главной проблемы экономики – достижения насущных целей ограниченными ресурсами. Соответственно при реализации политики «нового патернализма», призванной помочь людям делать рациональный выбор, показатель ВВП должен быть заменен показателем, комплексно учитывающим субъективное благополучие человека.

3. Либертарианский подход.

Показатель ВВП определяется как сумма стоимостей конечных экономических благ, произведенных на территории страны за год. Термин «конечный» используется в том смысле, что учету подлежат только те товары и услуги, которые готовы для немеленого использования потребителями. Исходя из этого экономисты, защищающие свободный рынок от пагубного воздействия государственного регулирования, справедливо указывают на преувеличенную роль потребительских расходов в расчете ВВП. Существующая практика подсчета макроэкономических показателей стала заложником теоретических конструкций Дж. М. Кейнса. Смысл кейнсианства в данном аспекте легко иллюстрируется, предпринятый основателем данного учения, переосмыслением закона рынков Ж.-Б. Сэя. Данный постулат Сэя гарантировал производителю соответствующий ему спрос. В кейнсианстве сбережения и инвестиции не тождественны друг другу в силу разной природы этих явлений. Но тогда, если природа потребления (а значит сбережения) и производства (а значит инвестирования) зависит от разных факторов, то необходимый компромисс на рынке спроса и предложения невозможен. Капитализм, таким образом, обречен на перманентный экономический кризис. Цели потребителей не тождественны целям производителей. Государственные расходы становятся тем самым балластом, который уравновешивает потребление и производство. Очевидно, что отправной точкой в данной схеме взаимодействия рыночных сил выступают цели потребителей, тогда как цели производителей становятся второстепенными, подчиненными. В показателе ВВП главенствуют потребительские расходы. Так доля потребления домашних хозяйств за 2017 г. в США составила 68,4 % , в России – 52,4 % [9]. Государственные расходы – 17,3 % и 18 % соответственно. Тогда как инвестиционные расходы 17,3 % и 23,9 % соответственно [9]. В валовые инвестиционные расходы включаются только готовые здания, станки, оборудование за отчетный период и игнорируются производственные расходы на инвестиционные блага, которые находятся на более дальних стадиях производства относительно стадии потребления. Хотя всем очевиден долгосрочный характер инвестиций. Таким образом, в показателе ВВП игнорируется экономика промежуточных благ.

Это важная черта неспособности ВВП оценивать глубину инвестиционных расходов может существенно дезинформировать национальные правительства, принимающие решения в области экономической политики. Ведь отказ от текущего потребления (снижает ВВП) в теории капитала означает рост инвестиций (увеличивает ВВП) и соответственно рост будущего потребления. Однако в силу непропорциональности представления фаз потребления и производства в расчете ВВП этот обычный инвестиционный процесс может выразиться в отрицательной динамике ВВП.

Для того, чтобы преодолеть обозначенную выше проблему Марк Скоузен предложил использовать показатель валового национального выпуска (gross output, GO). Данный показатель учитывает все блага произведенные в экономике за отчетный период, включая промежуточные. В результате расчёта такого показателя он оказался в два раза выше чем ВВП для экономики США, причем доля потребительских расходов в ВВП снизилась до 34 % [10, с.230].

Выводы.

Существует огромное число индексов подсчета уровня счастья, разрабатываемых правительственными, социологическими, информационными и научными организациями как на национальном, так и международном уровнях.

Все многообразие методов измерении уровня счастья можно разделить на три подхода [11]. Первый подход условно обозначают как «приборная панель». Суть данного подхода составляет принцип отказа от

взаимной увязки некоторого набора показателей, характеризующих удовлетворенность жизнью. Исследователь отбирает показатели, а затем их мониторит, не сводя их в единый обобщающий коэффициент (индекс). Примерами реализации такого подходя являются: Показатели австралийского прогресса (ABS' Measures of Australia's Progress), включающие более 50 объективных и субъективных показателей (Australian Bureau of Statistics, 2013) и оценка качества жизни в новозеландских городах (68 показателей) (Quality of Life in Twelve of New Zealand's Cities, 2007). Второй подход является самым распространённым и реализуется путем построения единого индекса благополучия, получаемого из набора показателей, включаемого в индекс с определёнными весами. Выделяют три разновидности таких индексов в рамках рассматриваемого подхода. Индексы, корректирующие основной макроэкономический показатель ВВП. Примером такого индекса является рассмотренный выше индикатор подлинного прогресса (GPI) и Австралийский индекс благополучия HALE (Herald/Age Lateral Economics Index of Wellbeing). Индексы субъективного благополучия, которые формируются по результатам социологических поросов. Ярким примером такого рода индекса является индекс благополучия Галлопа (Gallup-Healthways Well-Being Index). И композитные индексы, которые сочетают как объективные, так и субъективные показатели. Самый известный индекс такого рода – это индекс человеческого развития **(**Human Development Index**).** В качестве третьего подхода выделяют композитные индексы, где веса расставляет не методолог, а сам пользователь, руководствуясь своими собственными субъективными предпочтениями. Лучшая реализация такого подхода представлена на сайте ОЭСР при расчете «твоего индекса лучшей жизни» (Your OECD Better Life Index).

Главной методологической проблемой измерения уровня счастья как альтернативе ВВП является высокая степень субъективизма как в составе переменных, входящих в индекс, так и в определении веса каждой переменной в индексе.

Таким образом, вопрос о том, как все же измерить уровень благополучия человека остается дискуссионным. Не следует игнорировать и проблему статистического артефакта, описывающую возможность манипуляций экспериментатора при проведении социологических опросов. Эффект фрейминга из поведенческой экономики тоже на это акцентирует внимание. Соответственно, при разработке национального индекса счастья, осознавая данную проблему, необходимо привлечение независимых от правительства, признаваемых научным сообществом, организаций, которые смогут обеспечить публичное обсуждение методологии такого индекса. Важнейшим требованием должен стать пункт об отказе в дальнейшем от пересмотра одобренной методики, чтобы обеспечит сравнимость временных периодов по этому показателю.

В целом следует признать необходимость использования показателей уровня счастья в государственном управлении России в силу заявленных недостатков традиционного показателя оценки социально-экономического развития – ВВП на душу населения. Так как государственное управление нацеленное на максимизацию ВВП приводит к следующим последствиям, актуальным для российской экономики:

1) Стремление поддерживать потребление на высоком уровне, возникающее из гипертрофированной доли потребительских расходов в ВВП, дезориентирует усилия государства по стимулированию инвестиционной активности. В этом случай индекс счастья был бы более полезным инструментом удовлетворенности от потребления экономических благ домашними хозяйствами, чем показатель обязывающий рост потребительских расходов. Цель роста потребительских расходов должна быть заменена целью их оптимизации. В масштабах государственной политики это приведет к отказу от низкоэффективных государственных инвестиций в пользу высокоэффективных частных.

2) Неравномерность экономического развития регионов. Среднедушевые доходы населения в Москве за 2017 г составили 62 532 руб., тогда как в Республике Алтай – 18 411 руб., Калмыкии – 14730 руб., Псковская обл.- 23 144 руб. В целом по России – 31 422 руб.[12] Индекс счастья хорошо читает проблему неравенства, что доказали множество научных исследований, в том числе описанные в данной статье.

3) Социальное неравенство. Коэффициент фондов (отношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения) в 2017 г. в России составил 15,3 Влияние относительного роста доходов на уровень счастья описано в парадоксе Истэрлина. Концентрация традиционных институтов за пределами «колпаков Броделя» является следствием территориальной неравномерности экономического роста.

4) Высокая концентрация экологически вредных производств. Для российской действительности характерно явление, когда в регионах господствует единственное крупное предприятие, которое является крупнейшим налогоплательщиком и единственным работодателем для местного населения. Игнорирование проблемы внешних экстерналий становится логичным для государственных органов власти, так как их решения направлены на обеспечения роста доходов региона пусть и за счет ухудшения экологической ситуации.

5) Реинкарнация институтов традиционного общества в России. Этот аспект представляется самым сложным в концепции индекса счастья. В принципе люди разделяющие ценности, тормозящий экономический прогресс тоже могут быть счастливы. Концепция ценностей Инглхарта хорошо описывает данное явление. Традиционные ценности в некоторой мере отражают факт, что население выбирает стратегии выживания, а не стратегии самовыражения. Соответственно, это некоторая констатация ситуации, что в стране происходит падение доходов населения. Государственная власть, нацеленная на поддержание стабильности существующей институциональной структуры общества, может быть заинтересованы в неконструктивном использовании индекса счастья как альтернативу динамики ВВП именно в этом аспекте.

6) Показатель ВВП в принципе не может быть инструментом анализа какого-либо экономического развития, так как отражает результаты ошибочных решений экономических агентов. Здесь уместно дословно привести выводы Капелюшникова Р.И. по этому поводу. «То, как люди ощущают себя в обществе, важнее того, что они желают, или того, что они делают. Поскольку акты выбора, совершаемые ограниченно рациональными людьми, не отражают их «истинных» предпочтений, они не могут выступать в качестве нормативного ориентира для политики государства. Отражением этих «истинных» предпочтений могут служить данные о социальном самочувствии людей – о том, насколько они удовлетворены или не удовлетворены жизнью. Соответственно, политика государства должна реагировать не столько на изменения в экономическом положении людей или изменения в их поведении, сколько на изменения в их субъективном благополучии» [13, с.50]. Таким образом, ВВП является показателем несчастья, обусловленного нерациональным выбором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №3(39). С.141-162.

2. Воронов Ю.П. Мост между микроэкономикой и макроэкономикой (о нобелевской премии по экономике 2015г) // ЭКО. 2016. №1. С.77-93.

3. Чинакова Н.В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления. 2016. №1. С.101-115.

4. Ларин А.В., Филясов С.В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т.22. №1. С.59-83.

5. Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. №6. С.54-60.

6. Всемирный доклад о счастье 2019 (World Happiness Report 2019) [электронный ресурс]. URL: http://worldhappiness.report/ (дата обращения: 01.08.2019).

7. Международный индекс счастья (Happy Planet Index) [электронный ресурс]. URL: http://happyplanetindex.org/about (дата обращения: 01.08.2019).

8. Kahneman, Daniel; Alan B. Krueger; David Schkade; Norbert Schwarz; Arthur A. Stone (2006-06-30)."Would you be happier if you were richer? A focusing illusion".Science. 312 (5782): 1908–1910.

9. Мировые фактологические данные (The World Factbook) [электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/library/ publications/the-world-factbook/geos/us.html (дата обращения: 01.08.2019).

10. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.

11. Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. – М.: Институт экономики РАН, 2016. [электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/Kislitsyna_paper_20160404.pdf (дата обращения: 26.05.2019).

12. Федеральная служба государственной статистики | Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации [электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (дата обращения: 01.08.2019).

13. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм. М.: Изд-во ВШЭ, 2013.

PROBLEMS OF USING THE GDP INDICATOR AS AN INDICATOR OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY

V. M. Molokanov
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Volgograd, Russia

ABSTRACT:
The article deals with the problem of the adequacy of using the GDP indicator in assessing the socio-economic development of states. Critical comments on the stated problem are grouped in four areas, covering the entire spectrum of socio-political thought. Proponents of a market self-regulating economy focus on the disproportion in the representation of the production and consumption phases in the GDP index. Conservatives emphasize the ambiguous connection between the dynamics of GDP and the dynamics of life satisfaction indicators that arise when social institutions are transformed. Left-liberal researchers focus, above all, on the inability of standard macroeconomic indicators taking into account the destructive effect of economic development on the environment. The position of supporters of the "new paternalism" that has been developed in the framework of behavioral economics was especially highlighted. The GDP indicator, in principle, cannot characterize the socio-economic development of society, as it summarizes the results of non-optimal, irrational decisions of economic agents. The article substantiates the need to use alternative indicators to assess the development of the Russian economy. Assessment by the happiness index will allow solving such acute problems of the Russian economy as regional unevenness of economic development, high level of social stratification, low rates of investment in the Russian economy, environmental pollution caused byeconomic development. In addition, in assessing socio-economic development by the happiness index the following vulnerabilities were revealed: the ability to manipulate the assessment methodology; the possibility of unconstructive use of the happiness index to justify the conservation of social institutions.

KEYWORDS:
gross domestic product (GDP), gross output index, genuine progress indicator, happiness index, Easterlin paradox, behavioral economy.

AUTHORS' INFORMATION:
Viktor M. Molokanov, Cand. Sci. (Economical), Associate Professor, Volgograd Institute of Managament, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
8, Gagarina st., Volgograd, 400005, Russia, vikmol@inbox.ru.

FOR CITATION: Molokanov V. M. Problems of using the GDP indicator as an indicator of the socio-economic development of society // Management Issues. 2019. №5 (60). P. 178—188.

REFERENCES

1. Shmatova Ju.E., Morev M.V. Measuring Happiness: A Literary Review of Russian and Foreign Studies // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2015. №3(39). P.141-162 [Shmatova Ju.E., Morev M.V. Izmerenie urovnja schast'ja: literaturnyj obzor rossijskih i zarubezhnyh issledovanij // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2015. №3(39). S.141-162.] – (In Rus.).

2. Voronov Ju.P. The bridge between microeconomics and macroeconomics (about the Nobel Prize in Economics 2015) // JeKO. 2016. №1. P.77-93. [Voronov Ju.P. Most mezhdu mikrojekonomikoj i makrojekonomikoj (o nobelevskoj premii po jekonomike 2015g) // JeKO. 2016. №1. S.77-93.] – (In Rus.).

3. Chinakova N.V. The economy of happiness: current research and discussion // The world of economics and management. 2016. №1. P.101-115. [Chinakova N.V. Jekonomika schast'ja: sovremennye issledovanija i diskussii // Mir jekonomiki i upravlenija. 2016. №1. S.101-115.] – (In Rus.).

4. Larin A.V., Filjasov S.V. Easterlin Paradox and Adaptation in Russia // HSE Economic Journal. 2018. T.22. №1. P.59-83. [Larin A.V., Filjasov S.V. Paradoks Isterlina i adaptacija v Rossii // Jekonomicheskij zhurnal VShJe. 2018. T.22. №1. S.59-83.] – (In Rus.).

5. Auzan A.A. "Track" Russian modernization // Social sciences and modernity. 2007. №6. P.54-60. [Auzan A.A. «Koleja» rossijskoj modernizacii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2007. №6. S.54-60.] – (In Rus.).

6. World Happiness Report. [e-resource]. URL: http://worldhappiness.report/ (date of reference: 01.08.2019). [Vsemirnyj doklad o schast'e 2019 (World Happiness Report 2019) [jelektronnyj resurs]. URL: http://worldhappiness.report/ (data obrashhenija: 01.08.2019).] – (In Rus.).

7. Happy Planet Index. [e-resource]. URL: http://happyplanetindex.org/about (date of reference: 01.08.2019). [Mezhdunarodnyj indeks schast'ja (Happy Planet Index) [jelektronnyj resurs]. URL: http://happyplanetindex.org/about (data obrashhenija: 01.08.2019).] – (In Rus.).

8. Kahneman, Daniel; Alan B. Krueger; David Schkade; Norbert Schwarz; Arthur A. Stone (2006-06-30)."Would you be happier if you were richer? A focusing illusion". Science. 312 (5782): P.1908–1910. [Kahneman, Daniel; Alan B. Krueger; David Schkade; Norbert Schwarz; Arthur A. Stone (2006-06-30)."Would you be happier if you were richer? A focusing illusion".Science. 312 (5782): 1908–1910.] – (In Rus.).

9. The World Factbook [e-resource]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html (date of reference: 01.08.2019). [Mirovye faktologicheskie dannye (The World Factbook) [jelektronnyj resurs]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html (data obrashhenija: 01.08.2019).] – (In Rus.).

10. Ujerta de Soto H. Money, bank loans and business cycles. Cheljabinsk: Socium, 2008 [Ujerta de Soto H. Den'gi, bankovskij kredit i jekonomicheskie cikly. Cheljabinsk: Socium, 2008.] – (In Rus.).

11. Kislitsyna O. A. Measurement of quality of life / well-being: international experience. Moscow: Institute of Economics, RAS, 2016. [e-resource]. URL: https://inecon.org/docs/Kislitsyna_paper_20160404.pdf (date of reference: 26.05.2019). [Kislicyna O.A. Izmerenie kachestva zhizni / blagopoluchija: mezhdunarodnyj opyt. M.: Institut jekonomiki RAN, 2016. [jelektronnyj resurs] URL: https://inecon.org/docs/Kislitsyna_paper_20160404.pdf (data obrashhenija: 26.05.2019).] – (In Rus.).

12. Federal State Statistics Service | Per capita cash income in the constituent entities of the Russian Federation [e-resource]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (date of reference: 01.08.2019). [Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki | Srednedushevye denezhnye dohody po subektam Rossijskoj Federacii [jelektronnyj resurs] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (data obrashhenija: 01.08.2019).] – (In Rus.).

13. Kapeljushnikov R.I. Behavioral economics and new paternalism. M.: Higher School of Economics, 2013. [Kapeljushnikov R.I. Povedencheskaja jekonomika i novyj paternalizm. M.: Izd-vo VShJe, 2013.] – (In Rus.).